

Игорь Лосинский

Из плаща Одиссея

Сергей Иванович Рядченко
«УКРОТИТЕЛЬ БАРАНОВ»
сказки трезвого человека

Подчеркну сразу. Сергей Иванович Рядченко – писатель абсолютно самобытный, и все, что я буду говорить дальше о литературных влияниях, слияниях, цитированиях, отсылках, аллюзиях – это просто то море книг, в котором он живет и свободно ныряет на любые глубины, и волны творчества замечательнейших писателей свободно перекачиваются через страницы его книги, и по-другому человек, боготворящий слово, в том числе то самое слово – логос, животворящий глагол, который и сотворил этот мир, писать просто не может.

Как сказал французский критик Эжен Вогюэ, «все мы вышли из гоголевской шинели». Я думаю, может быть, ошибочно, что писатели поколения Сергея Рядченко вышли скорее из свитера Хемингуэя, из плаща Одиссея и кургузого пиджачка Леопольда Блума, в котором он осваивал вселенную Дублина.

Особое внимание хочется уделить лирическому герою, про-тагонисту, для которого «сочинительство было и оставалось

главным делом и смыслом... бытия». С чего начинается рассказ? Со слов «Решил начать новую жизнь».

Да, земную жизнь пройдя до половины, хотя ему уже 42 года, герой очутится не в сумрачном лесу, а в новогоднем цирке, где найдет себе своего Овидия и пройдет вместе с нами круги рая и ада, и круги эти будут, наподобие водоворота, сгущаться, увлекая нас в неведомые дали прошлого, густо замешивая трагизм эпох и эмоций, пока мы не утонем в замедленно-бешеном темпе происходящего, и не засосет нас в сужающееся горлышко событий.

Не зря же на третьей странице романа, пусть и в лице «*нафталиновых капельдинерш*», уже появляются легендарные Сцилла и Харибда, которые и чудовища, и скалы, и вполне реальный водоворот. Как говорит наш герой: «*...если доберусь сейчас до своей глубины, до постыдной сути, и оседлаю суть, и стану чувствовать то, что чувствую, а не то, что кажется, то и не управиться никому со мной. Ныряй, Иван, проверь, крепка ли связь твоя с мировой культурой*».

Ну что ж, начинать новую жизнь не в новинку каждому из живущих и страждущих на этой планете, вон Маяковский, на что бунтарь и сибарит, и то писал в дневниках: «Завтра я проснусь другим человеком». Ничего не вышло. А если и вышло, то этот новый человек, быть может, и нажал так не вовремя на курок. А вот у героя нашей книги как раз с последней строчки романа новая жизнь и начнется. Круг замкнулся, и мечты сбылись.

Цирк, куда мы пришли, и само повествование – это яркое и дразнящее представление, где роли клоунов, жонглеров, шпрехшталмейстеров, акробатов и, конечно, укротителей будут беспрестанно играть, в том числе вполне солидные и заслуженные персоны всевозможных стран и эпох. И это не пустое жонглирование цитатами и эстетская разухабистость, за всем этим стоят серьезнейшие и неотъемлемые от авторских целей постулаты.

Как там сказано о цирке: «*Потому как шанс упустить равновесие и шлепнуться, этот резвый шанс порхал тут повсюду...*». Так вот «шлепнуться» – этим легковесным словечком в книге и на арене обозначена возможность сорваться с невероятной

высоты, которую автор, как некий канатоходец, сам себе задает, и элементарным образом разбиться если не насмерть, то вдребезги. Потому что, цитирую, «...*тут витает дух полнокровной жизни, дух неподдельной игры в самое себя*».

Ироничную же фразу о том, крепка ли связь с мировой культурой, это герой скорее не себе, это он нам говорит, поздновато, конечно, уже под занавес повествования, мы и так эту самую культуру черпали тоннами в скрытых и явных цитатах, в замысловатых терминах и даже в издевательских порой сносках.

Автору книги пора, пожалуй, превратить эти самые сноски в объемный, в конце книги, глоссарий, толковый словарь и сборник комментариев, которые помогут будущему читателю разобраться в нагромождениях и хитросплетениях цитат из стихотворений, песен, поэм, опер, романов, которыми столь изобилует книга и которые наполняют ее дополнительными смыслами и мелодиями. Я уже не говорю о таких изысках, как «*эпольман*», «*круа-зе*» и «*арпеджио*».

Ведь, к сожалению, только нам, одесситам, будет понятно «...*мы отправились... ко всегда у нас Новому рынку*». Или молодая Европа на быке на Девятой станции. И где это – *Ленбат?* – как мы пока еще помним, улица имени Ленинского батальона.

И ответ на вопрос «...*кто не помнит про танцы девочек по Ангаре навстречу утренней заре...*» уже не звучит так однозначно... Как там, друзья? Кто помнит?

А река бежит, зовет куда-то,
Плывут сибирские девчата,
Навстречу утренней заре
По Ангаре, по Ангаре.

Майя Кристалинская, Пахмутова, Добронравов – уходящая вместе с нами натура...

Может быть, мы последнее поколение, которое оценит фразу с хитрым ленинским прищуром «...*хлестануло нас оттуда всех разом и каждого по потребностям тугим размашистым действием*».

А вот это откуда этот прозаический отрывок:

«...но пока еще все не верится,
что Союз нерушимый рушится;
и хохочем мы тут с паяцами
то ль на радостях, то ль в истерике».

Это, наверное, из того, что не успел написать Высоцкий.

И скоро далеко, далеко не всем будет ясно, например, что имеет в виду герой в своем внутреннем монологе *«...Надо полагать, что в тот день я геройствовал, и такой очевидный факт, что от героев былых времен ни костей уже, ни имен, остановить меня был не в силах»*. Это песня из кинофильма «Офицеры» 1971-го года рождения, и мыслит герой понятиями офицерскими. Да, увы и ах, это все уже анахронизмы.

Порой автор просто дразнит читательское любопытство. Например, *«Я снял с полки портрет в берете с пленки славного Дзеффирелли... Вот. Кузен той, о ком нет печальней на свете по-вести»*.

Это ж надо полезть в Интернет, найти режиссера Дзеффирелли, посмотреть его фильмографию, понять, что это «Ромео и Джульетта», найти актера, игравшего кузена по имени Тибальд, по имени Майкл Йорк, а потом отыскать это самое фото в берете. Сергей Иванович просто безжалостен. Кстати, я нашел это фото, можно посмотреть, как выглядел наш герой, по мнению автора, в молодости.

Есть в романе и совпадения, неожиданные даже, думаю, для автора. Вот судно «Уэлен», на котором ходит один из героев этой саги – Никита. Был, был, оказывается, такой себе пароходик, сначала в Одессе, потом

на Дальнем Востоке, и построен он был, как думаете, где? – в Германии, и назывался поначалу «Нюрнберг», 300 километров от Мюнхгаузена.

А героически отличился этот простой сухогруз как раз у берегов Австралии, куда уехала одна из героинь романа, и где принял неравный бой с засекреченной японской субмариной, и даже выиграл его.

Имен писателей, поэтов, философов, политиков, ученых, либретистов, переводчиков, композиторов, актеров, режиссеров, упомянутых в романе, не перечить, и удовольствие от открытого, с указанием авторства, цитирования и напевания может получить каждый читатель самостоятельно.

Нас больше интересовали цитаты латентные, которые каждому необходимо археологически отрыть и открыть среди песков памяти и напластований текста.

А тут между строк скрыты Шекспир (в изобилии), Шарль де Костер, Некрасов, Юрий Визбор с его посадочными огнями, до которых немного не дотянул Серега Санин, Библия, Махабхарата, Сэлинджер, Кундера, Ильф и Петров, Ян Флеминг, Юна Мориц, Марк Аврелий – всех не перечислишь! Успевай только проверять свои скудные познания. Не случайно же самого себя герой называет «ваятель вязи прозы».

Человек, который крепко подружился с англоязычной литературой на языке оригинала, на мой взгляд, уже просто не способен избавиться от ее мощнейшего и благотворного влияния.

Упругость, спортивная сноровка и кажущаяся простота, логичная до алогичности манера, уважение к слову, которое может, в отличие от нашего языка, иметь целый ряд значений, порой даже противоречащих друг другу, благородная и утонченная самоирония – все это не может не наложить пусть мало-мальский, но зримый отпечаток на стиль и язык произведения. Английский Набоков и американский Бродский тому, на мой взгляд, примеры.

Герой романа Сергея Рядченко – это, с одной стороны, Улисс, который уже вернулся из своего многолетнего плавания, нашел свою Пенелопу и Телемаха, вот только его путешествие по волнам памяти, собственного таланта и разливного моря водки заканчи-

ваться не хочет, поэтому совершенно не случайно ждет его в ближайшем будущем не что иное, как борт корабля и новое, якобы кругосветное плавание, как бы он не отрещивался псевдогексаметрами: «...я не Улисс, не Одиссей, Южанин я, Иван Южанин родом из Одессы, я сир, я хлип, богам я незаметен... нет Посейдону дела до меня». Есть, есть до тебя дело и Посейдону, и Нептуну, раз уж ты чинишь рангоут старенькой парусной яхты.

И уложившееся в один день повествование, и неверность, и волшебный город, который служит еще одним неотъемлемым героем романа, легко могли бы подтолкнуть нас к джойсоведческим изысканиям...

Но тут является тень Лоренса Стерна с его кружевами, и по самое горло окультуренный Веничка Ерофеев, и на «ты» отношения с классиками позднего Катаева, избыточность Саши Соколова, и папыхэмовская брутальность, помноженная на людей, которые, как одинокие, но гордые острова в океане, но все это, повторюсь, лишь та стихия, которая несет, к нашему восторгу, утлый кораблик трезвого, как оконное стекло, Ивана Южанина по волнам крепчайшей и душистой, как коньяк «Камю», который он так и не выпил, прозы Сергея Рядченко.

А эта пушкинская вольность с пропуском целой главы: вот она, 6-я, целиком: «И сказал я ему, пока он отирал со щек румяна, вот что. Я сказал ему, что... Ему сказал, а вам будет неинтересно». Ну а кому невдомек, автор в следующей, 7-й главе, уже дает прямую ссылку на Пушкина да на Чайлд-Гарольда с его знаменитым паломничеством.

Я понял, что это «моя книга», начиная вот с этого, второго по счету абзаца: «Моросил наш декабрьский дождик, и продолжатель фамилии пяти с половиной лет от роду обеспокоился, где сейчас цирковые звери, не мокро ли им, не застудились ль». Поэтическое «ль» просто согрело душу начинающего литературного критика.

А кто еще может себе позволить фразы длиной в целую страницу или вот такие себе фонетически выверенные абзацы: «...и мы б с Саньком, думается, желали б уже, чтоб они там все поскорее прекратили б уже вытворять свои трюки под куполом поголовно, и уже б поскорее сворачивались бы, пока не дошло до беды, уже б спускались бы себе, судьбу не искушали б».

А вот эта жемчужина: *«Аксиома: все люди люди, даже Лида»*. Сначала ты думаешь, что это гимн любви, потом – что грубость, потом – что крик отчаяния, а потом, перечитывая, уже не знаешь, что и думать.

Нельзя не отметить филигранно выписанные диалоги, которые за внешней простотой могут таить в себе целые пласты смыслов и предысторий.

Вот послушайте:

«Потом были силачи с гирями и ядрами, и нам с Санькой захотелось, воротившись домой, достать гантели из-под кровати.

– А мама разве не выкинула?

– Нет, гантели пока нет».

И в душу читателя с этими словами уже закрадывается холодок сомнения в безоблачности счастья этой ячейки общества, хотя до коллизий еще ой как далеко.

Слог романа легко оперирует высокой, церковной лексикой: *«И по их мановению мы, вкушавшие, причастились восторгу; всколыхнуло нас, и, воодушевленные, мы проплыли над житием и отчаянием»*. А еще фраза может быть построена и на простом человеческом мате, без которого содержание сказанного было бы не полным; а цитату сам себе найдет каждый.

В целом же выражаются эти люди, прошедшие ад войны, тихо и культурно, не в пример современным комплексующим литературным персонажам, что без грязи слова сказать или молвить не в силах.

Есть, как чертик из табакерки, и точеная поговорочка: *«Бог не фраер, штык молодец»*, где причудливо соединяется дерзкий одесский фольклор с боевым шутовством генералиссимуса Суворова.

А какие прекрасные, нестертые слова: *«сокровение» «совместие»*, неологизмы *«наплеватести»*, *«анабазник»*. Кстати, само слово *«анабасис»*, в значении *«длительное воинское путешествие по чужой территории»*, а также *«восхождение на вершину»*, неслучайно повторяется в романе неоднократно. Значит, желает автор, чтобы поняли мы смысл *«хождений»* этого прекрасного персонажа, Ивана Южанина, в просторах данных ему миров.

Герой повествования причисляет себя к стойкам, которые, как мы помним, кроме мужества в жизненных обстоятельствах про-

поведовали «взаимосвязь всего со всем как осмысленный порядок, реализуемый божественной волей». Он «честный киник».

Но тут все не так просто. Среди других героев романа числится, например, загадочный реальный языческий Дар Событий, который «*благоухает, по-строгому, брятом с устрицами*», помогает хоронить деда, мирит мужа и жену, сидит на люстре и так далее.

Кроме знакомых нам религиозных понятий Бог, Творец, ангел-хранитель присутствуют такие имена некоего загадочного бога: Сам Автор, Тот, Кто, Распорядитель.

Не такое это простое дело постичь философию главного героя.

А в целом его мятущиеся воззрения выражены как бы просто и ясно: «*Я обзрел наскоро, а что в этой жизни на самом деле важно, а что нет, и вышло, что либо все одинаково нелепо, либо все одинаково исполнено сакрального смысла*».

Конечно же, смысла, потому что один из героев, который только иногда выглядывает из-за бархатного занавеса арены, это сам писатель. Это же его слова о представлении, правда? – «*Жаль, поверьте, жаль, что вас там не было*», это он, писатель, «*уравновешивает интригу созерцанием*».

О романе можно говорить долго и скрупулезно. Все это еще впереди.

Мне только хотелось бы подчеркнуть, что главным достоинством книги я все же считаю то уважение, которое Автор испытывает к своему Читателю, что позволяет ему не упрощать свое произведение, не наводить на него глянец, а говорить «*языком любви и бесстрашия*» и дарить книгу во всей своей сложности, ершистости, противоречивости, с ее взлетами и падениями, с восторгом и ужасом, с бескрайним отчаянием и, конечно же, с бесконечной любовью.

